

полития

Л.Г.Фишман

ПОСТКАПИТАЛИЗМ И ПОСЛЕДНЯЯ (АНТИ)УТОПИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ¹

¹ Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ 19-011-00650 «Контурь посткапиталистического общества: перспективы и социальные противоречия».

Леонид Гершевич Фишман — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: lfishman@yandex.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить объективную роль, которую играют в современных обществах интерсекциональные дискурсы и политические движения. Не является ли ложным ощущение морального и интеллектуального превосходства, которое испытывают традиционные левые по отношению к «примитивным» концепциям интерсекционалистов? В какой мере интерсекционализм, часто окрашенный в левые идеологические тона, но подвергающийся ожесточенной критике не только справа, но и слева, соотносится с существующими сегодня проектами посткапиталистического будущего?

По мнению автора, кажущиеся надуманными или даже высосанными из пальца концепции интерсекционалистов и вытекающие из них практики, как бы неприятно это ни звучало для серьезных левых теоретиков, суть попытка расплатиться по их, серьезных левых теоретиков, векселям. Прежде всего речь идет о представлении, что капитализм не может быть преодолен, пока не достигнет достаточной зрелости, то есть в том числе пока в полной мере не развернутся те антропологические и культурные последствия, которые он обещает как «идеальный тип». Капитализм обречен искоренять предшествующие ему формы угнетения и порабощения людей, заменяя их собственными — более передовыми, более циничными, но в чем-то и гораздо менее тягостными, так как они не прикрыты разного рода лицемерием. Поэтому без устранения препятствий на пути реализации этой эмансипаторской капиталистической (анти)утопии ни о каком социализме, коммунизме или даже «посткапитализме» всерьез говорить не приходится. В статье показывается, что эту работу в настоящее время выполняет именно интерсекционализм, и концепции перехода к «посткапитализму» являются ему слабой альтернативой, оставаясь не более чем рациональным измышлением горстки интеллектуалов.

Ключевые слова: интерсекционализм, утопия, антиутопия, посткапитализм

² Под *интерсекционализмом* мы понимаем широкий спектр политических течений, которые исходят из представления, что в современных обществах степень угнетения и неравенства определяется «пересечением» классовых, расовых, гендерных и иных факторов (Ритцер 2002: 391—397).

³ Дедок б.г.

⁴ Будрайтскис 2020.

Сегодня модно пугать жупелом интерсекциональных² дискурсов и движений. Радикальные феминистки, одержимые поборники прав разнообразных меньшинств, многочисленные оскорбленные по тем или иным поводам, длинная вереница всевозможных мнимых и реальных «жертв» уже давно стали излюбленными мишенями для насмешек и предметом ненависти зарубежных и отечественных политиков, а также достаточно далеких от политики людей. Критики слева обычно видят в них объективных прислужников неолиберализма и капитализма³. С их точки зрения, современный рост популярности правых есть реакция на различного рода квир-марксизм и радикальный феминизм, которые раскалывают трудящихся, пытаясь возложить на одни их категории «вину» перед другими: «бунт против навязанной неискренней вины превращается в искренний бунт против любых форм солидарности»⁴. Критики справа в большинстве своем не видят ничего, кроме поразившего часть общества умопомешательства, объясняя его реализовавшимся заговором группы левых интеллектуалов.

Почему движение, выглядящее в глазах как левых, так и правых в равной степени соблазном и безумием, приняло именно такую форму? И в какой мере это движение, часто окрашенное в «розовые» идеологические тона, соотносится с существующими сейчас проектами посткапиталистического будущего?

Левые традиционного толка, как правило, отвечают на первый вопрос в терминах классовой конспирологии, предательства и дискурса «пережитков прошлого». Несколько огрубляя, их позицию можно свести к следующему. Во второй половине прошлого века мировая буржуазия столкнулась с очередными вызовами своему классовому господству. Ему угрожали все более мощные выступления рабочих, студенческие протесты, борьба трудящихся в третьем мире и т.д. Тогда коварная буржуазия измыслила не менее коварный план. Искусными идеологическими и организационными манипуляциями она отвратила изрядную часть левых от парадигмы классовой борьбы, сумев убедить многих, что их угнетают не капиталисты, а «структуры господства», «институциональный расизм», «микроагрессии мачистов», «гетеронормативность». Владельцы заводов, газет, пароходов фактически смогли представить дело так, будто нет ничего важнее, чем избавиться от этих пережитков прошлого, поскольку капитализм в целом «работает». А предавшие трудящихся левые идеологи поддержали их в этом, начав искать признание не у трудящихся, но у буржуазного академического истеблишмента. Так, по словам Михаэля Дорфмана, «„новые левые“ отказались от борьбы за социальную справедливость и с головой ушли в идентификационные политики — в защиту прав женщин, животных, сексуальных и национальных меньшинств. Отстаивание принципов мультикультурализма и экологизма для них оказалось важнее участия в классовой борьбе. От Антонио Грамши и Герберта Маркузе левая интеллигенция отказалась в пользу Эдварда Саида и Гьятри Спивак»⁵. Пойдя по этому пути, она наплодила множество сомнительных, а то и откровенно безумных

⁵ Дорфман 2014.

теорий и практик, которые не приближают конец капитализма, а, напротив, усугубляют его худшие черты, отравляя атмосферу взаимными подозрениями, обвинениями на пустом месте, двойной моралью, истериками и т.д.

Как следствие, немалая часть традиционных левых просто отворачивается от подобных «леваков» с презрением (чему дает повод практика многих интерсекционалистов, не подразумевающая вступления в честную дискуссию и дискуссию как таковую), хотя некоторые все же считают полемику с ними необходимой и бесполезной. При всем том традиционные левые обычно ощущают моральное и интеллектуальное превосходство над интерсекционалистами, будучи уверены, что правильно их оценивают и в принципе адекватно понимают причины и смысл их появления.

Последнее кажется нам сомнительным. Более того, как бы неприятно это ни звучало для серьезных левых теоретиков, все эти выходящие высосанными из пальца, надуманные концепции и вытекающие из них практики, на наш взгляд, суть попытка расплатиться по их, серьезных левых теоретиков, векселям. На одном из этих векселей со времен Карла Маркса написано: капитализм не может быть преодолен, пока не достигнет достаточной зрелости, то есть *в том числе* пока в полной мере не развернутся те антропологические и культурные последствия, которые он обещает как «идеальный тип». Но что такое достижение достаточной зрелости?

* * *

Не секрет, что, будучи ответвлением либерализма, современное левое движение разделяет некоторые его общие представления о законах истории вообще и о роли в ней капитализма в частности. А именно: что капитализм по своей природе обречен устранять предшествующие ему практики угнетения и порабощения людей, заменяя их собственными — более передовыми, более циничными, но в чем-то и гораздо менее тягостными, так как они не прикрыты разного рода лицемерием. Если же такая замена еще не вполне произошла, то причина тому — наследие прошлого, традиции, плохие законы и т.п. И хотя с приходом капитализма экономическое неравенство неизбежно будет нарастать, в прочих отношениях он является великим уравнителем — пусть и дорогой ценой. В данной парадигме (частью которой можно считать или не считать марксизм — в зависимости от его интерпретации⁶) капитализм рассматривается как торжество чисто «экономического принуждения», а существующие наряду с ним практики несвободного труда — как нечто нетипичное и изживаемое самим ходом вещей.

Надо заметить, что такого рода представления об эмансипирующей роли капитализма пронизаны одновременно ужасом и восхищением: вспомним Маркса, Макса Вебера, Вернера Зомбарта и др.

«В ледяной воде эгоистического расчета буржуазия потопила священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мешанской

⁶ Прежде всего это касается замены внеэкономического принуждения «свободным трудом», ибо «рабство неэффективно», о чем вслед за классиками политэкономии говорили «неосмитианские марксисты» (при том что позиция самого Маркса по этому вопросу была значительно менее однозначной) (Rioux, LeBaron, and Verovšek 2019).

сентиментальности, — читаем мы в «Манифесте Коммунистической партии». — Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой. Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников. Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям»⁷. Какое значение на этом фоне имеют смешные неравенства между полами, религиями, расами и пр.?

⁷ Маркс и Энгельс 1955: 426—427.

Вебер описывал капитализм как предельно рационализированный и расколдованный мир, как «дом рабства», артефакт, управляемый как машина, где техника и бюрократия опустошают душу человека. Перед его глазами вставала картина будущего «механического окостенения, преисполненного судорожных попыток людей поверить в свою значимость»⁸. Современники Вебера Георг Зиммель и Фердинанд Тённис говорили о безжалостном преобразовании «европейской цивилизации в цивилизацию, основанную на все более безличных отношениях», в которой жизненный горизонт измелывавших людей ограничивается цеплянием за свою маленькую работу и стремлением к большой⁹. Зомбарт вел речь о духовной пустыне, в которой человеку остается лишь радоваться «постоянному расширению и усовершенствованию дела самого по себе»¹⁰. Но зато и все докапиталистические ценности (а значит, и все связанное с ними морализаторство, прикрывающее эксплуатацию и в конечном счете призванное убедить индивида трудиться бесплатно хотя бы часть времени¹¹), кроме функциональных ценностей производства и накопления, уходят из общественной жизни, становясь сугубо частным делом. Такова эта изоморфная капитализму как «идеальному типу» утопия и антиутопия в одном флаконе — представление о капитализме как о порядке вещей, который надежно освобождает людей, но никогда не делает этого даром.

⁸ Вебер 1990: 207.

⁹ Льюис 1981: 102.

¹⁰ Зомбарт 2005: 427.

¹¹ Подразумевалось, что система ценностей (вроде протестантской этики), способная предоставить людям мотивацию, отличную от той, которую мог дать им «дух капитализма», нужна капитализму лишь на заре его истории, а дальше он освобождается от таких ценностных систем и справляется сам.

* * *

Впечатление, которое производило победное шествие капитализма, заключало в себе нечто сродни той смеси ужаса и удовлетворения от исполнения желаний, с которой современный человек читает постапокалиптическую фантастику: да, многое дорогое для нас исчезнет, но сколько исчезнет и того, что нас угнетает и раздражает, как станет легче дышать! Ожидалось, что достигший вершин развития «чистый» капитализм в культурном и моральном смысле будет подобен очищающему апокалипсису. Ужасно, конечно, что капитализм, как предвещают капиталистические и антикапиталистические пророки, потопит многое в холодной воде расчета, изымет из человека львиную долю

его живой души, превратит его чуть ли не в механизм для достижения прибыли. Но вместе с тем он, как божество, перед которым все равны в своем ничтожестве, уничтожит всякую разницу между белыми и черными, христианами и мусульманами, мужчинами и женщинами, жёнами и проститутками, европейцами и африканцами и т.д. — все будут только буржуа и пролетарии. На практике пока еще имеют значение некие «субкультуры». У тех, кто ориентируется на присущие им правила, гораздо больше шансов преуспеть в карьере, нежели у тех, кто не придерживается их; словом, те, кто не вписывается в эти «субкультуры» в силу своего класса, пола, расы, ценностей и поведения, располагаются на низших уровнях управления и т.д.¹² Но в «нормальном» капитализме такого быть не должно; по крайней мере, это должно изживаться. Всякая мораль, все отношения, которые ранее маскировали угнетение, упростятся и сведутся к кодификации отношений по поводу положения людей на рынке труда и капитала. Все, что может быть коммодифицировано, будет коммодифицировано.

¹² *Robinson 1984: 193.*

Что исключительно важно: именно потому, что от капитализма ожидали, так сказать, полной расправы над «пережитками прошлого», тотальной ликвидации того лицемерия, которое веками прикрывало угнетение и морочило людям головы, ожидалось также, что капитализм станет преддверием чего-то нового и светлого — к примеру, коммунизма. Ибо капитализм выполнит необходимую для коммунизма в моральном и культурном плане подготовительную работу: заменит все лицемерное зло человеческой предыстории своим собственным честным злом, которое останется только ликвидировать.

¹³ *Обнаружилось, что несвободные и иные «непристойные» виды трудовых отношений (вроде детского труда) — неустрашимая принадлежность капитализма как такового. Будучи выгнаны в дверь, они возвращаются в окно, из одной страны перекочевывают в другую, уклоняются от мониторинга Международной организации труда и в целом обнаруживают феноменальную способность к изменению и распространению (Lerche 2010: 31—33).*

Эта картина прогресса и капитализма оказалась слишком упрощенной, местами просто неадекватной. С течением времени выяснилось, что в любом из своих аспектов капитализм нуждается в прежних формах угнетения и неравенства, а не просто терпит их за неимением лучшего. Это касается и несвободного труда¹³, и дискриминации по признаку расы и пола, и квазисословности (ввиду разного уровня образования), и многого другого. Капитализм — не очищающее освобождение от досовременных форм порабощения и неравенства, но в значительной мере их перевод в новое качество, требующий отдельного осмысления. Поэтому, например, ранние теоретики «второй волны» феминизма, как, в частности, Маргарет Бенстон, могли во вполне ортодоксально-марксистском духе рассматривать женский домашний труд как неоплачиваемую работу по воспроизводству рабочей силы для капитализма, полностью отдавая себе при этом отчет, что простая коммодификация и маркетизация женского труда не решат всех проблем, а только уравниют женщин и мужчин перед лицом капиталистической эксплуатации¹⁴. В свою очередь, сегодняшние теоретики могут ставить перед собой амбициозную задачу — понять, «каким образом класс и гендер могут быть соединены в политическом проекте, который действовал бы, избегая двух зеркальных опасностей: искушения смешивать две реальности, считая гендер классом или класс гендером,

¹⁴ *Benston 1969.*

и искушения сводить отношения власти и отношения эксплуатации к микроуровню и не видеть ничего, кроме ряда отдельных угнетений, которые невозможно включить в отчетливый освободительный проект»¹⁵. В основе подобного рода задач лежит уже представление о капитализме как о вершине человеческой предьистории, сверхэксплуататорском строе, который не просто «ставит себе на службу» или «использует», но органически содержит в себе все прежние способы угнетения и установления неравенства.

¹⁵ Аруцца 2016.

Поэтому появилось основание описывать его как квинтэссенцию отношений «господства» (не случайно сегодня звучат призывы к созданию «общей теории господства», которая бы объединяла перспективы пола, расы и класса»¹⁶), характерного для истории классовых обществ — в том смысле, что одни обладают властью над другими в сфере удовлетворения ими их ключевых потребностей, в то время как те не имеют возможности (или имеют весьма ограниченную) определять условия, на которых это происходит¹⁷. В капитализме, воспринимаемом как вершина такого «господства», «господством» начинает выглядеть и то, что раньше казалось разновидностью «обычных безобидных социальных взаимодействий»¹⁸. В подобной ситуации перекалфикация «обычных безобидных социальных взаимодействий» в проявления «господства» становится естественной дискурсивно-политической стратегией тех, у кого нет иного способа улучшить свое положение, кроме как выставить себя «жертвой», которая вправе претендовать на компенсацию.

¹⁶ Kellner 1993: 147.

¹⁷ McCammon 2015: 1046.

¹⁸ Ibid.: 1030.

* * *

Суть проблемы заключается в ответе на вопрос: действительно ли капитализм сложнее, чем казалось, то есть не отбрасывает, а интегрирует в себя все предшествовавшие ему формы господства, эксплуатации и неравенства, или эта интеграция — искусственное следствие определенных политических практик? Если мы склоняемся к тому, что реальный капитализм сложнее его идеального типа (являющегося в известном смысле мифом о нем), то перед нами встают серьезные теоретические задачи, которые, как мы видели, невозможно быстро решить, построив на этом фундаменте массовый политический проект. Иначе обстоит дело, если мы допускаем, что прежняя картина идеального капитализма в целом была адекватной. Тогда напрашивается вывод, что капитализму, так сказать, помешали. А именно: что расцвет социального государства начиная с первой трети XX в. не позволил ему в полной мере реализовать свой разрушительно-эмансипаторский потенциал, поскольку его ограничение зачастую осуществлялось путем патерналистского государственного регулирования, уходящего корнями в докапиталистическую архаику. Здесь уместно вспомнить, что социальное государство не в меньшей степени обязано своим появлением политике правящих классов, чем классов угнетенных; что у его истоков стояли не Либкнехты, а Бисмарки с их берущими начало в глубине веков представлениями о солидарности подданных и правителей, необходимой

для государства. Не случайно либертарианская критика социального государства в духе Фридриха фон Хайека и Айн Рэнд фокусирует внимание на его сходстве с докапиталистическими методами социального регулирования. Стремление представить всякую левую социальную политику как культивирование пережитков прошлого — довольно типичное выражение упомянутого выше капиталистического (анти)утопизма, который обещает с этими пережитками покончить.

В такой ретроспективе то, что сегодня превратилось в интерсекциональный дискурс, было обусловлено, с одной стороны, ожиданиями, что капитализм и «прогресс» вот-вот должны победить пережитки прошлого, а с другой — осознанием, что этого не происходит в том числе ввиду торможения определенными политическими и тесно связанными с ними культурными практиками. Эти политические и культурные практики закономерно стали объектом политической борьбы. Критика «„семейной заработной платы“», идеала, при котором семья, состоящая из мужчины-добытчика и жены-домохозяйки, была центральным элементом регулируемого государственного капитализма»; смещение акцента с классовой на разного рода гендерную проблематику; осуждение патернализма государства всеобщего благосостояния — все это, как замечает Ненси Фрейзер, было прогрессивно и оправданно в эпоху регулируемого государством капитализма¹⁹. Что консервируется одними политическими практиками (государственным патернализмом, берущим себе в союзники определенные пережитки прошлого), должно быть преодолено другими политическими практиками. То, что в ходе этой борьбы в роли действительного эмансипатора (но в своем специфически утопическо-антиутопическом духе!) выступил не абстрактный «прогресс», а реальный капитализм и что, таким образом, феминистская и подобная ей критика послужила легитимации «гибкого капитализма» и в целом была интегрирована неолиберализмом, который «впрыгает мечту женщин об эмансипации в машину накопления капитала»²⁰, оказалось неожиданностью. Тем не менее интерсекциональный дискурс объективно явился одним из средств идеологического обоснования необходимости преодоления тех форм неравенства и угнетения, которые представлялись негативными следствиями «нечистого» государственно-регулируемого капитализма. Утонченные теоретики могут искать пути совмещения классового и гендерного подходов, строить разнообразные «теории двойных систем»²¹ и т.д. Но в реальности для политических активистов остается востребованной гораздо более примитивная схема разделения всякого угнетения на «современное» (капиталистическое) и «укорененное в древности» патриархатное, расовое, гендерное и пр., короче говоря, «пережитки прошлого», которые надо преодолеть. Поэтому деятельность интерсекционалистов, по сути, выливается в попытки привести капитализм к завершенному облику, что совпадает с устремлениями неолиберальных реформаторов, которые, в свою очередь, пугают смертью «настоящего капитализма», указывая на его эмансипаторский потенциал и моральные преимущества перед разного рода архаикой и варварством.

¹⁹ Фрейзер 2016.

²⁰ Там же.

²¹ Аруцца 2016.

NB! Заметим, что интерсекциональный дискурс «пережитков прошлого» имеет немало общего с аналогичным советским дискурсом. В основе последнего, как мы помним, лежало представление о том, что при построенном в целом социализме «базис» в виде общественной собственности на средства производства не может порождать негативные явления в сфере быта, морали, поведения и т.п., характерные для (до)капиталистических обществ. Если таковые все же присутствуют, то их воспроизводство имеет сугубо субъективные, культурные основания. Соответственно, надо вести работу в области культуры, искореняя эти «пережитки». Сходным образом современные интерсекционалисты исходят из фактической реализации капитализма на уровне «экономики», сосредотачиваясь на «пережитках» на уровне культуры.

* * *

Словом, проблема, с которой столкнулись левые во второй половине XX в., оказалась не только в том, что либеральный утопизм не сдержал своих обещаний, но и в том, что капиталистическая (анти)утопия не до конца выполнила свою работу. Левoliberalный дискурс интерсекционализма, хотя бы его представители или нет, *de facto* вынужден обходными путями доделывать то, что реальный капитализм так и не завершил, — политико-идеологическими методами дотраивать капитализм до его «идеального типа». Не к этому ли сегодня стремятся те, кто хочет получать ренту за свой статус «жертвы» расового, сексуального, образовательного и иного угнетения? С одной стороны, эти требования, будучи выполненными, ведут к фрагментации общества²², к демонстративному подчеркиванию неравенства по самым разным признакам. С другой стороны, раса, нация, культура, физические особенности, пол, да все что угодно потенциально становятся источником дохода. В конце концов, мы живем в эпоху, когда «технологии, которые, казалось бы, сами по себе представляют определенный барьер перед близостью и эмоциями, наоборот, расширяют [их] поле, порождая все новые формы эмоционального труда, которые теперь могут быть представлены на рынке. И те, в свою очередь, воспроизводят существующие формы экономического и гендерного неравенства»²³. Многие из того, что еще не было коммодифицировано, будет коммодифицировано полностью, и именно в возможности получения за них компенсации любые потенциально «дискриминирующие» различия обретут свой главный, если не исключительный *raison d'être*. Продажа на рынке — не единственный способ коммодификации, таковым может стать и политическая рента. Другой пример — призыв к монетизации разного рода корпоративных и иных льгот, которыми пользуется «салиариат», то есть к замене несводимых к денежному эквиваленту преимуществ господства (i.e. признаков некапиталистического, архаичного его типа) сугубо финансовым, наиболее эгалитарным и «современным» преимуществом.

²² Кагарлицкий
2017: 56—57.

²³ Ломоносова
2020.

NB! «Немонетарные пособия и льготы, — доказывает Гай Стэндинг, — главный источник неравенства, это лишь помеха эффективному рынку труда. Прекариат на них и не рассчитывает. Все это идет salariату и уменьшающемуся привилегированному меньшинству кадровых рабочих. Чтобы ускорить маркетизацию, их нужно обложить бóльшим налогом, нежели денежный заработок (сейчас они часто используются как средство ухода от налогов). А система оплаты должна быть прозрачной и отражать непосредственную связь с навыками, затратами усилий и времени»²⁴.

²⁴ Стэндинг 2014: 283.

Интерсекциональный дискурс — это то, во что превращается идея, овладевшая массами и политическими элитами, которые решают проблемы, далекие от научных. Таким образом переосмысление сущности капитализма вытесняется гораздо более примитивным, но и более подходящим для политических нужд дискурсом борьбы с пережитками прошлого. Последний объективно оказывается средством мифологизации капитализма, приводя к борьбе за его идеальный тип, сочетающий в себе признаки утопии и антиутопии. Этот дискурс занимает опустевшее «святое место», пока традиционные левые повторяют мантры о необходимости возвращения классово-парадигмы. Как бы ни относиться к этим мантрам, из них ушел живой дух радикальной утопии. Между тем в лице обсуждаемого дискурса мы, возможно, имеем дело с единственной *политически действенной* утопией нашего времени, которая борется за установление на земле «чистого капитализма», способного обеспечить полное экономическое и культурное равенство людей перед лицом капитала. На то, что потенциал этой антиутопической утопии исчерпан еще не полностью, указывают периодически звучащие заявления о порче капитализма, когда одним кажется, что реальность капиталистических обществ отравлена избыточным равенством и государственным регулированием, а другим, что их, наоборот, не хватает²⁵, или даже о том, что «капитализм, как мы его знаем, больше не соответствует миру, который нас окружает»²⁶. Капитализм как антиутопия еще не в достаточной мере реализован, поэтому мы не заслужили утопию.

²⁵ Пятин 2019.

²⁶ Евстигнеева 2012.

²⁷ Речь идет о новом левом интеллектуальном мейнстриме, включающем в себя ряд характерных идей вроде «базового дохода», посттрудового общества, открытости границ, личностной самореализации, позитивной индивидуальной свободы, акселерационизма и т.д. Данные идеи развиваются, в частности, в работах Ника Срничека, Алекса Уильямса, Рутгера Брегмана и Пола Мейсона. Критику современных концепций посткапитализма см. Давыдов 2020.

* * *

Чем на данном фоне являются концепции, в которых провозглашается скорое пришествие «посткапитализма»²⁷?

Как ни удивительно, эти концепции исходят из тех же посылок, что и интерсекциональный дискурс, — прежде всего из того, что в «базисном» отношении капитализм себя исчерпал. Как писал еще Андре Горц, «капитализм в развитии своих производительных сил достиг предела, за которым он должен был бы преодолеть себя самого, чтобы полностью использовать свой потенциал. Потенциальный творец этого преодоления — сам „человеческий капитал“, поскольку он стремится стать независимым от капитала»²⁸. «В целом, — по справедливому замечанию Дмитрия Давыдова, — дискурсу посткапитализма

²⁸ Горц 2010: 85.

²⁹ Давыдов 2018: 117.

³⁰ Уильямс и Шрничек 2018: 17.

³¹ Какими бы преувеличенными ни казались рассуждения об аде толерантности, в который ведут Запад левые либералы, за ними, возможно, кроется интуитивное понимание необходимости и неизбежности этого (анти)утопического апокалипсиса.

свойственен технологический оптимизм. В трудах сторонников посткапитализма акцент существенно смещен к анализу различных технологических трансформаций, дающих надежду на чуть ли не автоматический переход к посткапитализму²⁹. Если же такой переход пока не совершился, то в этом виновата по большей части «надстройка» — устаревшие взгляды на мир, предрассудки, инерция политических институтов и общественного мнения и т.д. Поэтому необходима борьба за дискурсивную гегемонию, аналогичная той, которую в свое время провел неолиберализм³⁰.

С этой точки зрения «посткапитализм» — все еще слабый конкурент интерсекциональной (анти)утопии, которому не хватает как готового бороться за его воплощение политического субъекта (пусть даже и «фрагментированного»), так и эмоциональной убедительности. За интерсекциональным дискурсом стоит миф об идеальном типе капитализма, который разделяют далеко не только борцы за права меньшинств, женщин и других чувствующих себя оскорбленными и униженными. Этот миф, возвещающий триумф окончательного освобождения через антропологический апокалипсис, по-прежнему необходим для воспроизводства капитализма. Можно сказать, это миф его исторической судьбы, которая должна исполниться не одним, так другим способом, что мы и видим сейчас, когда на исполнение этой судьбы работают люди, многие из которых считают себя социалистами или анархистами. О «посткапитализме» трудно сказать что-либо подобное. Он остается исключительно рациональным измышлением горстки интеллектуалов, тогда как «адова работа» делается руками интерсекционалистов³¹.

Библиография

- Аруцца Ч. (2016) *«Несчастливый брак марксизма с феминизмом»*. URL: <http://openleft.ru/?p=8472> (проверено 16.02.2020).
- Будрайтскис И. (2020) *Об идиотах, консерватизме и Просвещении*. URL: <http://www.redflora.org/2020/02/blog-post.html> (проверено 16.02.2020).
- Вебер М. (1990) *Избранные произведения*. М.: Прогресс.
- Горц А. (2010) *Нематериальное: Знание, стоимость и капитал*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Давыдов Д.А. (2018) «Есть ли смысл в концепте посткапитализма?» // *Дискурс-Пи*, № 2 (31): 114–122.
- Давыдов Д.А. (2020) *Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической формации*. М.: ЛЕНАНД.
- Дедок Н. *Теория интерсекциональности: анархистская критика*. URL: https://avtonom.org/sites/default/files/store/nikolay_dedok_-_teoriya_intersekcionalnosti_anarhistskaya_kritika.pdf (проверено 16.02.2020).
- Дорфман М. (2014) *Читая «Капитал» Маркса...* URL: <http://left.by/archives/3219> (проверено 16.02.2020).

Евстигнеева А. (2012) «Давос-2012: До шага в пропасть — миллиметр» // *РБК*, 30.01. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/01/2012/5703f2799a7947ac81a645af> (проверено 16.02.2020).

Зомбарт В. (2005) *Собрание сочинений в трех томах. Том I: Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека*. СПб.: Владимир Даль.

Кагарлицкий Б.Ю. (2017) *Между классом и дискурсом: Левые интеллектуалы на страже капитализма*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Ломоносова Т. (2020) *Экономика шепота: аффективный труд в зеркале АСМР-видео*. URL: <https://politkrytyka.org/2020/02/06/ekonomyuka-shepota-affektyvnyj-trud-v-zerkale-asmr-vydevo/> (проверено 16.02.2020).

Льюис Дж. (1981). *Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера*. М.: Прогресс.

Маркс К. и Ф.Энгельс. (1955) «Манифест Коммунистической партии» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 4. М.: Государственное изд-во политической литературы: 419—459.

Пятин А. (2019) «Миллиардер из первой сотни американского Forbes заявил о смерти капитализма» // *Forbes*, 15.10. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/385509-milliarder-iz-pervoy-sotni-amerikanskogo-forbes-zayavil-o-smerti> (проверено 16.02.2020)

Ритцер Дж. (2002) *Современные социологические теории*. СПб.: Питер.

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-pouuj-orasnuj-klass.pdf> (проверено 16.02.2020).

Уильямс А. и Н.Шрничек. (2018) «Манифест акселерационистской политики» // *Логос*, № 2 (28): 7—20. URL: http://logosjournal.ru/arch/100/123_2.pdf (проверено 16.02.2020).

Фрейзер Н. (2016) *Как феминизм стал служанкой капитализма, и как исправить это*. URL: <http://masculist.ru/blogs/post-4347.html> (проверено 16.02.2020)

Benston M. (1969) «The Political Economy of Women's Liberation» // *Monthly Review*, vol. 21, no. 4: 13—27. URL: <https://monthlyreview.org/2019/09/01/the-political-economy-of-womens-liberation/?v=f9308c5d0596> (accessed on 16.02.2020).

Kellner D. (1993) «Bartky, Domination, and the Subject» // *Hypatia*, vol. 8, no. 1: 145—152.

Lerche J. (2010) «The Unfree Labour Category and Unfree Labour Estimates: A Continuum within Low-End Labour Relations?» // *Manchester Papers in Political Economy*, no. 10. URL: https://eprints.soas.ac.uk/14855/1/Lerche_unfree_working_paper_2011.pdf (accessed on 16.02.2020).

McCammon C. (2015) «Domination: A Rethinking» // *Ethics*, vol. 125, no. 4: 1028—1052.

Rioux S., G.LeBaron, and P.J.Verovšek. (2019) «Capitalism and Unfree Labor: a Review of Marxist Perspectives on Modern Slavery» // *Review of International Political Economy*, 7.08. URL: <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1650094> (accessed on 16.02.2020).

Robinson R.V. (1984) «Reproducing Class Relations in Industrial Capitalism» // *American Sociological Review*, vol. 49, no. 2: 182—196.

ПОЛИТ

L.G.Fishman

POST-CAPITALISM AND LAST (DYS)TOPIA OF OUR TIME

Leonid G. Fishman — Doctor of Political Science; Professor; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: lfishman@yandex.ru.

Abstract. The article attempts to identify a true role that intersectional discourses and intersectional political movements play in modern societies. The feeling of moral and intellectual superiority experienced by the traditional left with respect to the “primitive” concepts of intersectionalists — is it false? To what extent does intersectionism, often ideologically painted with leftist tints, but subjected to fierce criticism from both the right and the left, correlate with the contemporary projects of the post-capitalist future?

According to the author, the seemingly far-fetched intersectionalists’ concepts and the ensued practices, no matter how unpleasant it may sound to profound left theorists, represent an attempt to pay off their debts. First of all, this is about the concept that capitalism cannot be overcome until it reaches sufficient maturity i.e., inter alia, until anthropological and cultural consequences that it promises as an “ideal type” fully unfold. Capitalism is doomed to eradicate the preceding forms of oppression and enslavement of people, replacing them with its own forms — more advanced, more cynical, but somewhat less painful, because they are not covered by all kinds of hypocrisy. Therefore, unless the obstacles to the realization of this emancipatory capitalist (dys)topia are removed, it is impossible to be serious about any type of socialism, communism, or even “post-capitalism”. The article shows that it is intersectionism that is currently removing such obstacles, while the concepts of transition to “post-capitalism” represent a weak alternative to intersectionism, remaining merely a rational myth of a cabal of intellectuals.

Keywords: intersectionalism, utopia, dystopia, post-capitalism

References

- Arruzza C. (2016) “*Neschastlivyj brak marksizma s feminizmom*” [«The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism»]. URL: <http://openleft.ru/?p=8472> (accessed on 16.02.2020). (In Russ.)
- Benston M. (1969) “The Political Economy of Women’s Liberation” // *Monthly Review*, vol. 21, no. 4: 13–27. URL: <https://monthlyreview.org/2019/09/01/the-political-economy-of-womens-liberation/?v=f9308c5d0596> (accessed on 16.02.2020).
- Budrajtskis I. (2020) *Ob idiotakh, konservatizme i Prosveshchenii* [About Idiots, Conservatism and Enlightenment]. URL: <http://www.redflora.org/2020/02/blog-post.html> (accessed 16.02.2020). (In Russ.)
- Davydov D.A. (2018) “Est’ li smysl v kontsepte postkapitalizma?” [Does the Concept of Post-Capitalism Make Sense?] // *Diskurs-Pi* [Discourse-Pi], no. 2 (31): 114–122. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2020) *Lichnost’ i gosudarstvo v ternijakh postkapitalizma: Na puti k novej antagonisticheskoj formatsii* [Personality and State in the Thorns of Post-Capitalism: Toward a New Antagonistic Formation]. Moscow: LENAND. (In Russ.)
- Dedok N. *Teorija interseksional’nosti: anarkhistskaja kritika* [Intersectionality Theory: Anarchist Criticism]. URL: https://avtonom.org/sites/default/files/store/nikolay_dedok_-_teoriya_interseksionalnosti_anarkhistskaya_kritika.pdf (accessed on 16.02.2020). (In Russ.)
- Dorfman M. (2014) *Chitaja “Kapital” Marksa...* [Reading Marx’s “Capital”...] URL: <http://left.by/archives/3219> (accessed on 16.02.2020). (In Russ.)
- Evstigneeva A. (2012) “Davos-2012: Do shaga v propast’ — millimetr” [Davos 2012: To Step into the Abyss — a Millimeter] // *RBC*, 30.01. URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/01/2012/5703f2799a7947ac81a645af> (accessed on 16.02.2020). (In Russ.)
- Fraser N. (2016) *Kak feminizm stal sluzhankoj kapitalizma, i kak ispravit’ eto* [How Feminism Became Capitalism’s Handmaiden — and How to Reclaim It]. URL: <http://masculist.ru/blogs/post-4347.html> (accessed on 16.02.2020). (In Russ.)
- Gorz A. (2010) *Nematerial’noe: Znanie, stoimost’ i kapital* [L’immatériel: Connaissance, valeur et capital]. Moscow: Izdatel’skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Kagarlitsky B.Yu. (2017) *Mezhdu klassom i diskursom: Levye intellektualy na strazhe kapitalizma* [Between Class and Discourse: Left Intellectuals Guarding Capitalism]. Moscow: Izdatel’skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Kellner D. (1993) “Bartky, Domination, and the Subject” // *Hypatia*, vol. 8, no. 1: 145–152.
- Lerche J. (2010) “The Unfree Labour Category and Unfree Labour Estimates: A Continuum within Low-End Labour Relations?” // *Manchester Papers in Political Economy*, no. 10. URL: https://eprints.soas.ac.uk/14855/1/Lerche_unfree_working_paper_2011.pdf (accessed on 16.02.2020).
- Lewis J. (1981) *Marksistskaja kritika sotsiologicheskikh kontseptsij Maksa Vebera* [Max Weber and Value Free Sociology: A Marxist Critique]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Lomonosova T. (2020) *Ekonomika shepota: affektivnyj trud v zerkale ASMR-video* [The Economy of a Whisper: Affective Labor in the Mirror of an ASMR Video]. URL: <https://politkrytyka.org/2020/02/06/ekonomyka-shepota-affektivnyj-trud-v-zerkale-asmr-vydeo/> (accessed on 16.02.2020). (In Russ.)

Marx K. and F.Engels. (1955) “Manifest Kommunisticheskoy partii” [Manifest der Kommunistischen Partei] // Marx K. and F.Engels. *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury: 419—459. (In Russ.)

McCammon C. (2015) “Domination: A Rethinking” // *Ethics*, vol. 125, no. 4: 1028—1052.

Pyatin A. (2019) “Milliarder iz pervoj sotni amerikanskogo Forbes zajavil o smerti kapitalizma” [Billionaire of the First Hundred American Forbes Announced the Death of Capitalism] // *Forbes*, 15.10. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/385509-milliardier-iz-pervoy-sotni-amerikanskogo-forbes-zayavil-o-smerti> (accessed on 16.02.2020). (In Russ.)

Rioux S., G.LeBaron, and P.J.Verovšek. (2019) “Capitalism and Unfree Labor: a Review of Marxist Perspectives on Modern Slavery” // *Review of International Political Economy*, 7.08. URL: <https://doi.org/10.1080/09692290.2019.1650094> (accessed on 16.02.2020).

Ritzer G. (2002) *Sovremennyye sotsiologicheskie teorii* [Modern Sociological Theory]. St Petersburg: Piter. (In Russ.)

Robinson R.V. (1984) “Reproducing Class Relations in Industrial Capitalism” // *American Sociological Review*, vol. 49, no. 2: 182—196.

Sombart W. (2005) *Sobranie sochinenij v trekh tomakh. Tom I: Burzhua: k istorii dukhovnogo razvitija sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [Der Bourgeois: Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen]. St Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-novyj-opasnyj-klass.pdf> (accessed on 16.02.2020). (In Russ.)

Weber M. (1990). *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Williams A. and N.Srnicek. (2018). “Manifest akseleratsionistskoj politiki [#Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics] // *Logos*, no. 2 (28): 7—20. URL: http://logosjournal.ru/arch/100/123_2.pdf (accessed on 16.02.2020). (In Russ.)